

«НЕМНОГОГО ПРОШУ ВЗАМЕН БЕССМЕРТИЯ»

**ШИРОКИЙ ТРАКТ, ДА ДРУГА,
ДА КОНЯ,
ПРОШУ, ПОКОРНО ГОЛОВУ
СКЛОНЯ,
В ТОТ ДЕНЬ, КОГДА ОТПУСТИТЕ
МЕНЯ,
НЕ ПЛАЧЬТЕ ВСЛЕД, ВО ИМЯ
МИЛОСЕРДИЯ!»
В. ВЫСОЦКИЙ.**

О Высоцком так много сказано, что, кажется невозможно не повториться. 25-го июля исполнилось десять лет со дня смерти поэта. Это сейчас кажется, что мы знаем о нем давно и много, а серьезные публикации стали появляться лишь с января 1986 года, если не считать единичные статьи в «Юности», «Москве», «Новом мире», «Советской России», и печальной памяти ушат грязи, вылитый на Высоцкого и его поклонников С. Куныевым в «Нашем современнике».

О Высоцком действительно много сказано. Хочется напомнить нашим читателям лишь о нескольких днях, начиная с 25 июля 1980 года: 25-е, 26-е, 27-е, 28-е...

Итак.

«... Он жил очень быстро. Быстро работал, быстро ел, быстро передвигался, на сумасшедшей скорости водил машину, не выносил поездов — летал самолетом. Четыре-пять часов — сон, остальное — работа. День его мог сложиться таким образом: утром репетиция в театре, днем — съемка, озвучивание или запись на «Мелодии», потом — концерт, а вечером — «Гамлет». Спектакль немалого напряжения — свитер в антракте, хоть выжимай. А ночью — друзья, разговоры. К нему тянулись люди, и он не мог без них.

...Так он жил ежедневно, из года в год. Такой образ жизни, такая нагрузка — не по силам обыкновенному человеку. В какой-то момент в сознании возникло ощущение близости конца. И вылилось в песне, хватающей за сердце: «Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!». И в разговоре: «Знаешь, я все чаще стал задумываться — как мало осталось!».

Он был прав. Осталось мало. А сделать хотел еще много. Хотелось попробовать себя в прозе, сочинить сценарий, пьесу, заняться режиссурой. И темп жизни взвинтился до немалого предела. Ему говорили: «Остановись!». Он улыбался трогательной улыбкой. Понимал, что долго этого не выдержит. Очень хотел жить, но не мог остановить себя. А внутри отчаянно звучало: «Чуть помедленнее, кони!».

Он ушел от нас 25 июля 1980 года. А за год до этого, 25-го же июля, у него перестало биться сердце и остановилось дыхание. Медики называют это клинической смертью. Было это в жару в

Средней Азии. Рядом, к счастью, оказался врач. Он стал дышать за него, делать массаж сердца. Укол в сердечную мышцу — и сердце задвигалось.

...28-го мы привезли его в театр в четыре утра. Уже выстраивалась очередь для прощания, уже — один за другим — прибывали автобусы с милицией. Автобусов было очень много, в здании метро образовался милицкий штаб, был еще штаб передвижной, на колесах. «Зачем так много милиции?» — подумал я. Но потом голубые рубашки совершенно потерялись в толпе народа. Народу в Москве мало — разгар лета, время отпусков, Олимпиада. В газетах не было сообщения — иначе в Москву устремились бы многие. Если бы ни то, ни другое, ни третье — могла случиться Ходынка. Такого Москва не видела никогда. Казалось, она вся собралась здесь, на Таганке, на прилегающих к ней улицах».

Станислав Говорухин.

«В. Высоцкий:

«Я, конечно, вернусь...».

«28 июля 1980 года в Москве, в районе Таганской площади, недалеко от театра собрались тысячи людей. У одних в руках были портативные магнитофоны, другие пришли с гитарами. В толпе звучали песни Высоцкого. Это был день его похорон... С ночи еще на подступах к Таганской площади стали собираться те, для кого Высоцкий долгие годы был символом честности, бесстрашия, трезвого и горького взгляда на жизнь... те, кто любил Высоцкого, верил ему. Их встретила московская милиция, приученная оперативно реагировать и на преувеличенный восторг, и на ярко выраженный недовольство толпы. Почитателей Высоцкого стремились держать подальше от него и тогда, когда он был жив, и тогда, когда умер... Земля Ваганьковского кладбища приняла тело Высоцкого...».

Александр Юриков.

«Когда Высоцкий умер, многие ведомства оказались завкаченными врасплох. На высоте оказалось, пожалуй, лишь МВД. В Москве шла Олимпиада, был прекрасный пятничный день, на стадионах всюду раздавали медали, и, казалось, всем было не до того. Только к двенадцати дня под окнами кирпичного кооперативного дома на Малой Грузинской собралось человек тридцать. Стояли молча, окаменев.

Через несколько часов вышла «Вечерка» с «рамкой». Спасибо «Вечерке», она была одна... «Рамка» выглядела скромно, всего несколько строк: «с глубоким прискорбием... артист Театра на Таганке...». Что ж, все верно. «Рамка» — не место для эмоций. Документ. Чего не заслужил, того не перечислишь.

Чего не заслужил? Одного места среди 10-тысячного писательского Союза — как раз за пару недель руководство рассматривало его заявление и не сочло. Значит, не поэт, и поэтические почести не положены. Не комментатор — ну, это он и сам сколько раз говорил. Что не народный — это, конечно, факт. Но даже после Гамлета и Дон Хуана не заслужил, представьте, и заслуженного. Просто артист...

К ночи народу внизу прибавилось. С балкона восьмого этажа были видны обращенные вверх лица. Стояли всю ночь. Это тоже давняя традиция русской поэзии...

Утром откликнулся «Голос Америки», сумев в краткую информацию мастерски уложить большую бестактность, «Умер менестрель Владимир Высоцкий, муж известной в Советском Союзе французской киноактрисы Марины Влади». Какая прозрачная язвительность! Менестрель, мол, известен, благодаря французженке — жене. Да и французженка хорошо известна только в Советском Союзе...

28 июля. Похороны... Не могло быть и речи о том, что скромное старое здание театра, где шло прощание, пропустит сквоззь себя хоть малую толику скорбящих. Но люди стояли. К началу второго стало ясно, что проблема надежд, нет. И тогда люди стали просить впереди стоящих передать туда, в театр, цветы. Их передавали над головами.

У студии документальных фильмов в этот понедельник чего-то не было — то ли аппаратов, расписанных на Игрь, то ли пленки, предназначенной для свершений. Река цветов текла над тысячами человеческих голов, но нам никогда уже не видеть этого величественного зрелища... Впрочем, все обошлось благополучно. Кажется, никому в огромной толпе не отдавили даже ноги. Милиция в этот день была безукоризненна — вежлива, услужлива, предупредительна...».

В. Надин,
«Известия»,
25.01.87 г.

«Как комья земли, били цветы в стекла катафалка. Они летели со всех сторон. Их бросали тысячи рук. Машина не могла тронуться с места. Не только из-за тесноты и давки на площади. Водитель не видел дороги. Цветы закрыли лобовое стекло. Внутри стало темно. Сидя рядом с гробом Володи, я ощущал себя заживо погребаемым вместе с ним. Глухие удары по стеклам и крыше катафалка нескончаемы. Воющие сиренами милицмейские машины не могут проложить ему путь.

Площадь и все прилегающие к ней улицы и переулочки залиты человеческим морем. Люди стоят на крышах домов, даже на крыше станции метро. Потом меня не оставила посторонняя мысль: «Как они туда попали?» И до сих пор как-то странно видеть Таганскую площадь иной, буднично-светливой. В тот июльский день казалось: мы навсегда на ней останемся.

А я вспомнил веселое Володино «народу было много!». Этими словами, возвращаясь после выступлений, он шуточно опережал мой привычный вопрос: «Ну, что, много было народу?».

— Эт-я. Народу было много. Потом Юрий Трифонов скажет: «Ну, как умирать после Высоцкого?!».

Вадим Туманов.

«Один сон является ко мне довольно часто. Прихожу в театр играть «Дом на набережной» и слышу вдруг по трансляции: идет «Гамлет», и Гамлета играет... Гамлет. Но ведь Гамлет мертв, я это знаю?! Я нес крышку гроба его. Я за нее ответствен был — у меня документ есть... В паузе мы встречаемся... Все тот же он, не умиравший никогда. Во взгляде моем он слышит вопрос, очевидно, поэтому отвечает: «Это была ошибка... Я просто заснул, а вы поторопились... но я все слышал». Боже мой, думаю, что он слышал? Что я наговорил, что наделал после его смерти? Он что, пришел спросить с меня за это? Он продолжает: «Почему мы редко видимся с тобой, Валерий, и мало говорим?... Надо чаще видеться нам и разговаривать». Справа у рта запертая струйка крови. След бритвы, думаю. Нет, он пользуется механической. Тогда от чего? Как будто удалила порваны губы... «Доиграй за меня второй акт, будь любезен, а я в Америку...» В какую Америку, думаю, почему в Америку? А-а-а... вояж в Америку!!! Да, ведь это же Свидригайлов его!!! Вон какая у них Америка!!!

Тут мой сон обрывается, и холодно мне всякий раз. За какими горами моя Америка?». (24.07.84).

Валерий Золотухин.

«В сорок два ты издашь свою первую книгу, в сорок два у тебя выйдет вторая книга, и другие тоже в сорок два, в сорок два придут проститься с тобой, в сорок два тебе поставят памятник — все в твои вечные сорок два...»

Андрей Вознесенский.

* * *

Я ИЗ ДЕЛА УШЕЛ

Марине Влади
И снизу лед, и сверху —
маюсь между:
пробить ли верх или
пробуровать вниз?
Конечно, всплыть и не
терять надежду,
а там за дело, в ожиданьи
виз.

Лед надо мной, надломись

и тресни,
я весь в поту, как пахарь
от сохи,
вернусь к тебе, как корабль
из песни,
все помня, даже старые
стихи.

Мне меньше полувека —
сорок с лишним,
я жив двенадцать лет тобой
и Господом храним,
Мне есть что слезь, предств
перед Всевышним,
мне есть чем оправдаться
перед ним.

Подготовила

М. ГЛАДАРЕВСКАЯ.

ПО МНОГОЧИСЛЕННЫМ ПРОСЬБАМ ЧИТАТЕЛЕЙ

ВНИМАНИЮ ЛЮБИТЕЛЕЙ И ПОКЛОННИКОВ ТВОРЧЕСТВА ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО!

По инициативе Таджикского Союзтеатра (массовым тиражом выпущена книжка «Владимир Высоцкий».

В нее включены автобиографический очерк — своеобразные размышления, интервью с матерью поэта, его избранные стихи.

Сборник реализуется в киоске Союзтеатра, расположенного в районе универсама, в магазине «Книжный мир» (бывший «Детский мир»), а также в самом Союзтеатре

(пр. Ленина, 28, во дворе Академического театра оперы и балета им. С. Айни).

Возможна пересылка почтой наложенным платежом.

Заказы просим направлять по адресу: 734025, г. Душанбе, пр. Ленина, 28, ТО ВТО Союзтеатр.

Обязательно (указывайте свой почтовый индекс.

Справки по телефону 27-44-15.